

УДК 1(091); 165.9  
ББК 87.3(2); 87.25

**Симон Семенович Илизаров**

Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники, Россия, Москва, e-mail: sinsja@mail.ru

**Виктор Александрович Куприянов**

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

## **Очерки по истории русской философии 50-60 годов<sup>1</sup>**

Тимофей Иванович Райнов

**Части девятая и десятая\***

*Подготовка к публикации С.С. Илизарова и В.А. Куприянова*

**Ilizarov Simon Semenovich**

S.I.Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, Advanced PhD (History), Professor, Chief Research Scientist, Head of the Department of historiography and Source study of the history of science and technology, Russia, Moscow, e-mail: sinsja@mail.ru

**Kupriyanov Victor Aleksandrovich**

St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, PhD (Philosophy), Research Scientist of the sector of social and cognitive problems of science, Russia, St. Petersburg, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

## **The outlines of the history of Russian philosophy of the 1850-60s years**

Timofey Ivanovich Rainoff

**Parts nine and ten**

*Prepared for publication by S.S. Ilizarov and V.A. Kupriyanov*

---

<sup>1</sup> Публикация осуществлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00366 и проект № 20-011-00071). The reported study was funded by RFBR, project numbers № 19-011-00366 and № 20-011-00071).

\* Части первая и вторая опубликованы в: Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 59–68. Часть третья – Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 39–47. Части четвертая и пятая – Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 62–74. Части шестая и седьмая – Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 1(69). С. 31–41. Часть восьмая – Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 2(70). С. 20–36.

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.3.154-167

## 9. Значение и роль идеальных факторов

В 30–60-х годах у нас происходило постепенное преобразование социального состава интеллигенции, известное под именем «пришествия разночинца». До того почти исключительно дворянская, с этого времени она стала пополняться выходцами из других сословий. Прилив новых элементов оживил дворянскую интеллигенцию и сообщил ее обновленным кадрам отличную от прежней социально-психологическую физиономию. Состоя по преимуществу из людей, экономически мало обеспеченных или и вовсе необеспеченных и выбившихся в свет не столько благодаря своим сословным преимуществам, сколько с помощью личного труда, благодаря силе и инициативности духа, разночинная интеллигенция представляла группу людей, главным назначением и средством к существованию которой была нравственно-интеллектуальная деятельность, культура высших проявлений человеческого духа.

Социальное положение этой маленькой группы, вкрапленной в колоссальное тело российского населения, было двусмысленным: в ней нуждались, но ее и побаивались, – как общественная масса, так и правящие круги. Только интеллигенция была поставщиком умственного труда для надобностей общества и государства, и с ростом этих надобностей возрастал и спрос на ее труд. Интеллигенция «шла в народ» задолго до «народников», внося в его косную и невежественную среду черты своей, более или менее, утонченной психологии, – привычки самостоятельного мышления и нравственные правила сознательного действия. Но эти привычки и правила и весь проникавший их дух более или менее независимого поведения тотчас же становились в конфликт с умственным и нравственным обиходом масс и с восточно-деспотическими приемами и вкусами власти. Следствием этого конфликта была обоюдная антипатия. И если интеллигенция еще смягчала и подавляла свое несочувствие к «народу», надеясь некогда обратить его в свою «веру», и враждовала главным образом с властью, то другая сторона – многомиллионная масса и ее правители смотрели на интеллигенцию со все растущим опасением и озлоблением, видя в ней «отщепенцев» и врагов всего традиционного уклада русской жизни. Так в отношениях массы и власти к интеллигенции сочетались и переплетались сознание ее необходимости и страх перед свойственным ей типом и духом культуры.

Обе стороны этого отношения, – и нужду, и антипатию интеллигенции приходилось чувствовать на себе не раз. Так это случилось, например, в 1836 году, когда Чаадаев выступил со своим знаменитым «Философским письмом». Горькие размышления Чаадаева о ходе и будущем русского исторического процесса, не льстившие «гордости народной», хотя и проникнутые «любовью к отечеству», независимые, искренние и граждански-смелые, вызывали среди его современников

буквально «бурю негодования», в которой потонули 3–4 голоса лиц, пытавшихся отнестись к идеям Чаадаева принципиально. «Около месяца – вспоминал Жихарев – среди целой Москвы почти не было дома, в котором не говорилось бы про чаадаевскую статью и чаадаевскую историю. Даже люди, никогда не занимавшиеся никаким литературным делом, круглые неучи, барыни, по степени своего интеллектуального развития мало чем разнившиеся от своих кухарок и прихвостниц, подьячие и чиновники, потонувшие в казнокрадстве и взяточничестве, тупоумные, невежественные, полупомешанные святоши, изуверы или ханжи, посевшие и одичавшие в пьянстве, распутстве и суеверии, молодые отчизнолюбцы и старые патриоты, все соединилось в одном общем вопле проклятия и презрения к человеку, дерзнувшему оскорбить Россию»<sup>2</sup>. В свою очередь и правительство поспешило объявить смелого мыслителя сумасшедшим и назначить ему доктора, для лечения. Так могла реагировать на акт мысли и гражданской совести только среда, уже испытывавшая потребность в интеллигентном освещении своей жизни, но грубая и невежественная настолько, чтобы в частно-выраженной и неприятной ей мысли усмотреть чудовищное преступление. А таких тяжких, хоть и не столь ярких эпизодов в истории русской интеллигенции немало.

Эти эпизоды, вместе взятые, и общая обстановка жизни, которую вела интеллигенция 30–60 гг., невольно внушали самой интеллигенции преувеличенную оценку ее собственного назначения и сил. В ней нуждались, ее боялись, – это было двойное доказательство того, что она является солидной общественной силою, – т.е. такую силою является дух, разум и нравственный героизм, идеальные начала, которые она посильно культивировала и несла в свою среду. И чем опаснее и злобнее относилась к ней эта среда, тем сильнее чувствовала себя интеллигенция, тем крепче верила в могущество представляемых ею идеальных начал. Мы часто судим о собственном значении на основании того, как оценивают нас наши враги, и чем больше они ненавидят нас, тем выше поднимаемся мы сами в собственных глазах. Но как ни обычен этот метод, он чреват самыми печальными ошибками. Ненавистнические чувства, возбуждаемые нами во врагах, плохие измерители нашего достоинства, так как они легко переходят в аффект, а аффекты вообще, злобные – в особенности, развиваются обычно до степени, далеко превосходящей угрожающую опасность. Так было и в настоящем случае. По той вражде, какую питали к нашей интеллигенции среда и власть, никак нельзя было судить о реальной силе интеллигенции, потому что и здесь, как всегда, сила антипатии превосходила действительные размеры интеллигентской опасности. Несмотря на то, что в интеллигенции нуждались, в то же время и побаивались ее, она была самом деле сравнительно незначительной социальной силой. Дело в том, что ее главное орудие – высшая духовная культура – угрожало серьезно лишь тому, кто владел тем же оружием. А кто отстаивал свое общественное положение

---

<sup>2</sup> Цит. по: Богучарский В.Я. Из прошлого русского общества. СПб.: Кн-во М.В. Пирожкова. Ист. отд., 1904. С. 318–319.

ние и благополучие более грубыми и насильственными способами, тому утонченные интеллигентские уколы были не страшнее комариных. Такие способы были в полном распоряжении нашей социальной среды, и по сравнению с группами, вольно или невольно пользовавшимися ими, интеллигенция была ничтожной силой. Ее высокая самооценка была основана на иллюзии, но раз укоренившись в интеллигентском сознании, эта преувеличенная оценка прочно засела в нем и держалась несмотря на обилие противоречащих инстанций. Она создала типически интеллигентскую веру в могущество всяких идеальных побуждений, начал и факторов, и как ни менялись детали интеллигентского мироощущения от эпохи к эпохе, колеблясь между идеализмом и самым глубоким реализмом, между слепым догматизмом и бесплоднейшим скептицизмом, – где-то на дне интеллигентской души всегда теплился огонек этой веры, разгораясь порою в яркое пламя и заволакиваясь в другие времена густым и едким дымом. Она держалась у нас вплоть до той поры, пока открытая общественная работа не доказала, что никакие чудеса нравственного героизма и интеллектуальной утонченности не в силах конкурировать с могущественными страстями и элементарно-экономическими интересами, определяющими содержание и ход социальной жизни. Но в 50–60 годах было еще далеко до этих отрезвляющих уроков действительности. Только что выбравшись на простор общественного брожения и радужных надежд на коренное преобразование всего уклада русской жизни, интеллигенция 50–60-х годов, при всем «нигилизме» ее части, была исполнена светлой, но обманчивой веры в себя более, чем когда либо до того и после того. «Общественная мысль, хорошо заметил Струве, счастливая и прямо упоенная своей свободой (впрочем, весьма иллюзорной – Т.П.), накинулась с жаром на все вопросы. Все казалось ей ясным и легко осуществимым. Настала эпоха русского просветительства, Aufklärung «Sapere aude» Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! Вот девиз просветительства» (Кант)<sup>3</sup>. Впрочем, Струве сузил психологический состав русского просветительства 50–60-х гг. «Рассудок» был только одним из его элементов. Исчерпывающей его формулой был бы девиз: пользуйся всеми силами духа, напрягай до последней, героической степени все его проявления – и останешься победителем! У одних этот «идеализм» носил, впрочем, более волюнтаристический и мистико-религиозный характер, у других – более интеллектуалистический и нигилистический. Затем, довольно скоро его напряжение начало падать, появились разочарованные и озлобленные, но и тут идеалистическая вера в ценность культуры не исчезла, а только осложнилась примесью горечи, обиды и негодования.

Этой верою объясняется в значительной степени та идеалистическая окраска, которая характеризует в той или иной мере все философские течения 50–60-х гг. Уверенность в значении и силе идеальных факторов, убежден-

---

<sup>3</sup> См.: Струве П.Б. Г. Чичерин и его обращение к прошлому // Струве П.Б. На разные темы. (1893–1901 гг.): сб. статей. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902. С. 99.

ность в значимости высших культурных ценностей даже и в недрах «равнодушной природы», не то, что в судьбах человечества – общи как «отцам», так и «детям», принимаю лишь тот или иной вид в зависимости от более мистической в первом случае и более реалистической – во втором окраски их мировоззрения и еще – более сознательные и планомерные у «отцов» и – скорее бессознательные и стихийные у «детей». С мировоззрением «отцов», по своему содержанию более идеалистическим эта вера гармонирует в большей степени, чем с мировоззрением «детей», в котором идеалистическая проблема ценности заслонена реалистической проблемой сущности. Но это не отражается на интенсивности идеалистических чаяний «детей», источником которых была не «философия», а вышеуказанная общеинтеллигентская «психология».

Начнем с отцов. «Всякий человек, писал О. Новицкий в 1858–60 гг., по непосредственному внутреннему чувству признает бытие Верховного Существа, твердо верит в обязанность делать добро, инстинктивно чувствует красоту и стройность мира, не сомневается в бессмертии своей души, в будущем воздаянии и т.п.»<sup>4</sup>. И Гогоцкий верил, что «царство бесконечной истины» «в силе и достоинстве разумной свободы человека находит залог будущей, окончательной победы своей над миром чувственным», который, впрочем, уже и сейчас управляется идеальными началами, благодаря которым «разум выражается в явлениях, а явления проникнуты разумом»<sup>5</sup>. Хомяков был убежден, что миром правит любовь и писал, что «закон любви» является даже «первым, высшим и совершеннейшим» «из всемирных законов волящего разума или разумеющей воли»<sup>6</sup>. И Киреевский полагал, что проникнув во «внутреннее средоточие бытия», мы найдем там в концентрированном виде все наши идеальные ценности – «разум и волю, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное...»<sup>7</sup>. А Юркевич был уверен, что в основе сущего лежит идея, которая «обнаруживает себе многообразнее и богаче, чем логическая идея» и заключает в себе не только истину, но и добро и красоту<sup>8</sup>. Убежденные в первенствующей космической роли идеальных начал, эти мыслители твердо веровали и исповедовали могущество этих начал в судьбах и истории человечества. С этой точки зрения Новицкий и Гогоцкий писали свои историко-

<sup>4</sup> См.: Новицкий О.М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. I. Религия и философия древнего Востока. Киев: Университетская Типография, 1860. С. 21.

<sup>5</sup> См.: Гогоцкий С.С. Критический взгляд на философию Канта: рассуждение, напис. магистром философии Сильвестром Гогоцким, для получения звания доц. философии в Имп. Ун-те св. Владимира. Киев: тип. И. Вальнера, 1847. С. 43–44, 54.

<sup>6</sup> См.: Хомяков А.С. О современных явлениях в области философии. Письмо к Ю.Ф. Самарину // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. в 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. С. 283.

<sup>7</sup> См.: Киреевский И.В. Отрывки // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений в 2 т. М.: Тип. Императорского Московского Университета. Т. 1. 1911. С. 275.

<sup>8</sup> См.: Юркевич П.Д. Идея // Журнал министерства народного просвещения. 1859. Ч. CIV. Отд. II. С.124. Отд. Отгиск. С. 73. (Указание страницы восстановлено. – *Прим. ред.*)

философские исследования, Киреевский – освещал историю России и Европы, Хомяков – всеобщую историю, а Юркевич – нормы и методы педагогики. Знаменитый историк Соловьев, близкий к мыслителям этой группы по возрасту и по религиозной окраске своих воззрений, хотя и более «позитивный» чем они, рассматривал историческое развитие, как процесс постепенного воплощения разума в человеческие отношения и формы общежития.

В соответствии с этим он различал в истории каждого народа два периода: мысли и чувства. «В первой половине (своего существования) народ живет, развивается преимущественно под влиянием чувства: это время его юности, время сильных страстей, сильного движения, имеющего результатом жидкость, творчество политических форм». «Сомнение, стремление поверить в то, во что прежде верилось, что признавалось истинным, задать вопрос – разумно или неразумно существующее, потрогать, пошатать, что считалось до сих пор непоколебимым, знаменует вступление народа во второй период, период мысли». Теперь «народ мужает, и господствовавшее до сих пор чувство уступает мало по малу свое господство мысли»<sup>9</sup>.

По своим «положительным» склонностям и занятиям Соловьев является фигурой, переходной между только что рассмотренной группой философствующих «отцов» и «нигилистически» настроенными «детьми». Но они такие же «идеалисты», только более «светские». Чернышевский, напр., представлял себе действительность насквозь упорядоченною и закономерною и был убежден, что в ней все частные явления могут быть объяснены особыми законами, которые, в свою очередь, выводятся из действий общих законов природы<sup>10</sup>. Но действительность не только закономерна, она и прекрасна. Притом, «истинная, высочайшая красота есть именно красота, встречаемая человеком в мире действительности, а не красота, создаваемая искусством»<sup>11</sup>. Жизнь вообще, и человеческая в особенности – величайшее благо, и «все таки лучше жить, чем не жить»<sup>12</sup>. Единомышленник Чернышевского, Добролюбов полон наивного, бессознательного, но пылкого идеализма. Материалист по своим теоретическим воззрениям, он, не запинаясь, говорит об «естественном, разумном порядке» вещей, веря, что естество вещей не может быть неразумным<sup>13</sup>. В частности, и «в человеке ничем не заглушимо чувство справедливости и правомерности»<sup>14</sup>. «Низости и преступления не лежат в природе

---

<sup>9</sup> См.: Соловьев С.М. Сочинения Сергея Михайловича Соловьева. СПб.: Тип-фия бр. Пантелеевых, 1882. С. 433.

<sup>10</sup> См.: Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 6. СПб.: Типография и Литография В. А. Тиханова, 1906. С. 238.

<sup>11</sup> См.: Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в X т. Т. X. Ч. II. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1906. С. 93.

<sup>12</sup> Там же. С. 88–89.

<sup>13</sup> См.: Добролюбов Н.А. Избранные сочинения / ред. и вступ. ст. В.Ф. Динзе. Т. 6. Забитые люди. СПб.: Ид-во АО Типогр. дела, 1912. С. 36. (Ссылка исправлена. Указанная Райновым страница обнаружена. – Прим. ред.)

<sup>14</sup> Там же. С. 65. (Ссылка исправлена. Указанная Райновым страница обнаружена. – Прим. ред.)

человека и не могут быть уделом естественного развития»<sup>15</sup>. Поэтому, всегда можно прозреть в благородную «человеческую природу сквозь все наплывные мерзости»<sup>16</sup>. И Писарев, во многом расхопившийся с Чернышевским и Добролюбовым, сходил с ними в культе высших культурных ценностей, несмотря на свой материализм и затем – позитивизм. Он верил особенно в освобождающую силу разума и положительного знания: «разве ж не философия двигала в массы, разве не она разбивала дряхлые кумиры и расшатывала устарелые формы гражданской и общественной жизни?» – вопрошал он, требуя и от современной мысли такого же действия на весь склад жизни<sup>17</sup>. «Мы – центр и мера вселенной, со всем ее прошедшим и будущим», заявлял Страхов: следовательно, она приспособлена ко всем нашим потребностям<sup>18</sup>. «Один день или час жизни значит больше, чем целая пустая вечность»<sup>19</sup>, писал он еще, и даже «смерть есть великое благо»<sup>20</sup> в окружающем нас мире, отнюдь не враждебном нам, в напротив – для нас благодетельном. Лавров, всегда подчеркивавший свой реализм и преследовавший «идеализацию», признавал однако, что ее «мы встречаем в самых интимных глубинах души человеческой. Первое проявление ее даже так глубоко сплетается с психической жизнью человека, что выделить эту идеализацию из человеческого мышления невозможно. Можно только придти путем аналогии и строгого вывода к умственному убеждению в факте этой идеализации, но тем не менее она останется основой всей нашей практической деятельности и всех наших нравственных теорий. Я говорю, поясняет он, об идеализации свободной воли...»<sup>21</sup>. И хотя, по словам Лаврова, это будто бы «единственная идеализация, имеющая право на подобную привилегию»<sup>22</sup>, мы находим у него еще не мало примеров «идеализации». Таково, напр., его убеждение в всемирно-исторической роли разума. «Кто открыл вам, спрашивает он себя от имени воображаемого “скептика”, что человечество развивается?... Признаемся, это наше убеждение; мы ему верим и не видим, чтобы факты науки противоречи-

<sup>15</sup> См.: Добролюбов Н.А. Избранные сочинения / ред. и вступ. ст. В.Ф. Динзе. Т. 2. Темное царство. Луч света в темном царстве. СПб.: Ид-во АО Ти-погр. дела, 1912. С. 78.

<sup>16</sup> См.: Добролюбов Н.А. Избранные сочинения / ред. и вступ. ст. В.Ф. Динзе. Т. 6. Забитые люди. СПб.: Ид-во АО Ти-погр. дела, 1912. С. 18. (Ссылка исправлена. Указанная Райновым страница обнаружена. – Прим. ред.)

<sup>17</sup> См.: Писарев Д.И. Схоластика XIX века // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. в 6 т. Т. 1. СПб.: Тип-фия Товарищ. «Общественная польза», 1894. С. 365. (У Райнова неверно указан 1904 год издания. – Прим. ред.)

<sup>18</sup> См.: Страхов Н.И. Значение Гегелевской философии в настоящее время // Страхов Н.И. Философские очерки. СПб.: Тип-фия Пантелеевых, 1895. С. 50. (Ссылка исправлена. У Райнова неверно указан год издания – 1891, а также название работы Н.И. Страхова. – Прим. ред.)

<sup>19</sup> См.: Страхов Н.И. Мир, как целое. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872. С. 259.

<sup>20</sup> Там же. С. 134.

<sup>21</sup> См.: Лавров П.Л. Исторические письма. СПб.: Тип-фия Клобукова, 1905. С. 140. (Цитата не обнаружена. Возможно, пересказ стр. 174–175 из того же издания. – Прим. ред.)

<sup>22</sup> См.: Лавров П.Л. Исторические письма. С. 176. (Ссылка исправлена. У Райнова неверно указана страница. – Прим. ред.)

ли нашему убеждению. В истории развивается разум человека, создавая себе временные одежды гражданских учреждений, мифических созданий, художественных идеалов... Конечно, в борьбе с отживающими идеями, иногда победа остается временно на стороне последних, но живое должно (курсив самого Лаврова) восторжествовать над мертвым... «Но где в данную минуту ручательство, что мы не ошиблись в направлении...» Его нет... В глубине своего личного характера человек узнает, где полюс движения...»<sup>23</sup>. Надо иметь много веры в торжество «идеальных начал», чтобы ожидать его наступления даже при отсутствии внешних критериев его возможности и приближения.

## 10. Антропологизм

Иностранцы, побывавшие в России и кое-что в ней наблюдавшие, отмечают часто, как особенность русских, их равнодушие или даже нелюбовь к животным и растениям и вообще – к «природе». Христианский совет о добром отношении к животным, обещающий блаженство тем, иже и скоты милуют, действительно, как-то плохо доходит до сердца русского человека. Жестокое обращение с животными, вызванное отчасти нуждой, отчасти грубостью нравов, а отчасти и просто невежеством, составляет в России явление, повсеместно распространенное, и с которым мало кто борется. Что до растений, образцом отношения к ним русского человека служит его «лесная политика», состоящая в безжалостном и часто бессмысленном лесоистребительстве, с которым хотя и не мало, но далеко не успешно у нас боролась и борется власть. Горести и тяготы собственного человеческого существования до того обременяют жизнь и сознание русских людей, что им, в конце концов, не до природы, и в центре всех их интересов долго стоял и стоит сам человек, – его судьба, неверная и превратная, его интересы и идеалы, часто и грубо попираемые, его жалобы и протесты, подобные гласу вопиющего в пустыне...

Так повелось у нас издавна, и в этом состоял наш национально-исторический «антропологизм». Особенно усиливался он в эпохи, когда казалось, что Небо, наконец, вняло жалобам и стонам русского человека и обещает облегчение и улучшение его судеб. Тогда мы не хотели знать ничего, кроме «человеческого, слишком человеческого», и вся жизнь, частная и общественная, перенасыщалась у нас «антропологическими» мотивами, самого разнообразного содержания и значения. Такой эпохой перенасыщенного «антропологизма» были, в частности, и 50–60-ые годы минувшего века.

И предшествующие десятилетия нашей истории XIX века, 30-ые, 40-ые и часть 50-х годов тоже были недостаточно «антропологичны», но направление их антропологизма было иное, чем в 50–60-х годах. Их антропологическим девизом могли бы служить слова Тютчева: «Лишь жить в самом себе

---

<sup>23</sup> См.: Лавров П.Л. Практическая философия Гегеля. Статья вторая и последняя // Библиотека для чтения. СПб., 1859. Т. 155. С. 60–61.



умей!»), так как, по разным обстоятельствам, частью указанным выше в главе о реалистических потребностях 50–60-х гг., люди 30–50-х годов принуждены были замкнуться в кругу узко-личных, интимно-человеческих интересов и судеб. Человек «наружных», в том числе – социально-психологических проявлениях его существования, был для них предметом запретным, и по внутренним, и по внешним причинам. Только в конце 40-х годов пробудился и робко выразился интерес к этому человеку, – в филантропических мотивах нашей художественной литературы, в публицистическом характере критики Белинского и В. Майкова, в «движении» петрашевцев и др. подобных, но менее известных явлениях. Усиление правительственной реакции, наступившее после 1848 года и длившееся до смерти Николая I, подавило эти ранние побег «нового духа» в привычном антропологизме 30–50-х гг., но, с новым царствованием и ликвидацией позорной крымской войны, этот «новый дух» прорвался с победною силою и заполнил умы и интересы всех. Вспоминая об этом времени, Л. Толстой писал, что то был момент, «когда на юбилее московского актера упроченное тостом явилось общественное мнение, начавшее карать всех преступников; когда грозные комиссии из Петербурга поскакали на юг ловить, обличать и казнить комиссариатских злодеев; когда во всех городах задавали с речами обеда севастопольским героям и им же, с оторванными руками и ногами, подавали трынки, встречая их на мостах и дорогах; в то время, когда ораторские таланты так быстро развивались в народе, что один целовальник везде и при всяком случае писал и печатал и наизусть сказывал на обедах речи, столь сильные, что блюстителю порядка должны были вообще принять укротительные меры против красноречия целовальника; когда в самом английском клубе отвели особую комнату для обсуждения общественных дел; когда появились журналы под самыми разнообразными знаменами, – журналы, развивающие европейские начала на европейской почве, но с русским мирозерцанием, и журналы исключительно на русской почве, однако с европейским мирозерцанием; когда появилось вдруг столько журналов, что, казалось, все названия были исчерпаны: «Вестник», и «Слово», и «Беседа», и «Наблюдатель» и «Звезда», и «Орел», и много других, и, несмотря на то, все являлись еще новые и новые названия; в то время, когда появились плеяды писателей – мыслителей, доказывавших, что наука бывает народна и не бывает народна и бывает ненародная и т.д., и плеяда писателей-художников, описывающих рощу и восход солнца, и грозу, и любовь русской девицы, и лень одного чиновника, и дурное поведение многих чиновников; в то время, когда со всех сторон появились вопросы (как называли в 56 году все те стечения обстоятельств, в которых никто не мог добиться толку, явились вопросы кадетских корпусов, университетов, цензуры, изустного производства, финансовой, банковской, полицейской, эмансипационной и много других: все старались отыскивать еще новые вопросы, все пытались разрешить их; писали, читали, говорили, составляли проекты, все хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неопи-

санном восторге»<sup>24</sup>. И – страхе, нужно еще прибавить, – страхе, питавшемся содержанием и ходом начавшихся реформ, особенно – крестьянской. «Крестьянский вопрос, писал в одном письме Кавелин, поднял все на ноги, все заглушил, затмил и поглотил собою. Многие с ума сошли, многие умерли. Нет ни палат, ни дома, ни хижины, где бы днем и ночью не думал, не беспокоился, не робел большой и малый владелец. Никто не знает, чем это разыграется; всякий готов, как при наводнении и пожаре, понести убытки»<sup>25</sup>. А одновременно волновалась огромная крестьянская масса, боявшаяся другого – быть обделенной в предстоявшей реформе и долго бродившая и после ее проведения. – Тогдашняя печать была отражением этого «антропологического» потока. «Вот уже два года, отмечал в 1857 г. хроникер “Отечественных записок”, – как чисто литературные интересы стоят на втором месте в наших журналах. Споры ученые, исторические и политико-экономические, поглотив всеобщее внимание, отодвинули на второй план деятельность чисто литературную»<sup>26</sup>. «И литература, дополняет это свидетельство Добролюбов, – получила, по видимому, общественное значение: она почти исключительно обратилась к тем вопросам, которыми занято было внимание публики»<sup>27</sup>.

Так было в начале 50–60-х гг., – так продолжалось до самого их конца. Кажущимся противоречием общему «антропологическому» духу эпохи является ее известное увлечение естествознанием, науками о природе. На самом деле, это увлечение вполне гармонировало с тем «духом». Естественные науки не были для людей 50–60-х гг. предметом самостоятельного интереса. В них очаровывало не их содержание, а «объективная», «реальная» окраска этого содержания и методов, с помощью которых оно открывается. Желали такого же «реализма» и для сферы «человеческого», и в области естествознания удалялись, обычно, с тем, чтобы перенести ее дух в область знаний и человеке.

Усиленное сосредоточение всех помыслов и интересов людей 50–60-х гг. на человеке выразились и в тогдашней философии, придав ей общий «антропологический» характер. Он сказывается не только в воззрениях молодых мыслителей, находившихся под влиянием «антропологизма» Фейербаха, но и во взглядах «старых», видевших в Фейербахе нечестивый продукт духовного разврата и нигилизма. Да и первые были антропологами не потому, что читали Фейербаха и подражали ему: они читали и копировали его антрополо-

---

<sup>24</sup> См.: Толстой Л.Н. Декабристы. М.: Тип-фия Г.И. Простакова, 1903. С. 4–6. (Ссылка восстановлена. – Прим. ред.)

<sup>25</sup> См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XV. СПб.: Тип-фия М.М. Стасюлевича, 1901. С. 470.

<sup>26</sup> См.: Новая эстетическая теория «Библиотеки для чтения» // Отечественные записки. 1857. Т. 111. Отдел критики и библиограф. С. 124.

<sup>27</sup> См.: Добролюбов Н.А. Губернские очерки, из записок отставного надворного советника Щедрина. Собрал и издал М.Е. Салтыков. Том третий. Москва. 1857 // Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. в 9 т. / под ред. Е.В. Аничкова. Т. 3 Литературная критика. Ч. 1. Статьи и отзывы 1856–58 гг. СПб.: Деятель, 1912. С. 339. (Ссылка восст. – Прим. ред.)

гизм именно потому, что туземный «дух времени» был насквозь проникнут антропологическими веяниями, и немецкий философ только оформлял и выражал технически то, чем, под влиянием этого «духа», были полны души русских мыслителей.

Антропологический характер философии 50–60-х гг. выражался двояким образом. С одной стороны – в тщательном преобладании проблемы человека в тогдашних философских рассуждениях и спорах, с другой – в признании «человека» принципом мирозерцания.

Человек, нравственно или безнравственно живущий, чувствующий красоту и безобразие, мыслящий, познающий и заблуждающийся, человек с его ощущениями, привычками, предрассудками и страстями, взятый с точки зрения естествознания, медицины, психологии и юриспруденции, – таково содержание книг и статей наших мыслителей 50–60-х гг., кто бы они ни были.

Напрасно пишут они в заголовках своих сочинений «Мир, как целое»: в них идет речь не о мире, как целом, а о человеке, как о центре мира, и в книге Страхова, вышедшей под этим именем бесполезно искать пояснения того, что такое «мир, как целое», хотя и много сказано о человеке в центре этого мира. И когда Чернышевский посвящает свою философскую диссертацию вопросу об отношении искусства к действительности, не думайте, что эта действительность фигурирует здесь сама по себе, – нет: «на природу смотрит человек глазами владельца»<sup>28</sup>, и вы узнаете из сочинений Чернышевского, что видит в действительности этот владелец сообразно своим вкусам и привычкам. В этом сходятся более или менее все мыслители 50–60-х гг. Тут и Чернышевский, и Юркевич, и Писарев, и Новицкий, и Троицкий, и Владиславлев, и Киреевский, и Потебня и почти все другие, старые и молодые, консерваторы и революционеры. Было бы утомительно и бесполезно доказывать это «правило» примерами: оно почти не встречает исключений, и любой из мыслителей 50–60 гг., наугад выбранный, мог бы служить ему подтверждением.

Заполняя до такой степени философскую мысль, «человек становится, наконец, центром и принципом, из которого она исходит даже и тогда, когда ее предметом является не человек. «Антропологический принцип в философии» Чернышевского состоит не только в том, «что на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека, как деятельность или всего организма, от головы до ног включительно, или если она оказывается специальным отправлением какогонибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривая этот орган в его натуральной

<sup>28</sup> См.: Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в X т. Т. X. Ч. II. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1906. С. 92.

связи со всем организмом»<sup>29</sup> – этот антропологический принцип состоит в том, чтобы «на природу человек смотрел глазами владельца», чтобы эти глаза были последними критериями всего истинного, нравственного и прекрасного. И, например, эстетический антропологизм Чернышевского выражается в его убеждении, что «прекрасное то, в чем мы видим жизнь так, как мы понимаем и желаем ее, как она радует нас; велико то, что гораздо выше предметов, с которыми сравниваем его мы», – и еще в мысли, что «сфера искусства не ограничивается одним прекрасным и его так называемыми моментами, а обнимает собою все, что в действительности (в природе и в жизни) интересует человека; общеинтересное в жизни – вот содержание искусства»<sup>30</sup>. Так и Антонович, уверяющий, что «теперь все, говоря вообще, признают “антропологическую точку” за лучшую»<sup>31</sup>, считает, что «последний судия и решитель всего – мы сами; что согласно с нашим внутренним содержанием, со всею нашею обстановкою, что нас удовлетворяет и гармонирует с общою суммою современных нам знаний, то для нас истина, как бы абсолютная...»<sup>32</sup>. От них не отстает и Лавров, главный теоретик «антропологизма» в 60-х гг. «Цельный человек, писал он, например, в 1865 году, – мыслящий и действующий, ставящий себе вопросы и стремящийся к их решению, ставящий себе цели и отыскивающий средства их осуществления; человек, дополняющий недостаток знания творчеством и сам верующий в свое создание; человек, заслоняющий себе свою собственную цель многочисленными влечениями и страждущий от своей непоследовательности более, чем от чего бы то ни было другого; этот цельный человек есть исходная точка всего, что узнается в науке, всего, что совершается в творчестве философском, художественном или общественном, всего, что происходит в истории. Из потребностей, стремлений и деятельности этого человека объясняются и вопросы логики»<sup>33</sup> и вопросы всех философских наук. Так, напр., «из того, что человек реален и мыслит себя, как существо реальное, он мыслит все, столь же реальное, как и он, под теми условиями, под которыми сознает себя реальным»<sup>34</sup>. И – так во всем. Поступая таким же образом, Страхов обосновывает это не только тем, что «для че-

---

<sup>29</sup> См.: Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VI. СПб.: Типография и Литография В.А. Тиханова, 1906. С. 237.

<sup>30</sup> См.: Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в X т. Т. X. Ч. II. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1906. С. 99.

Там же. С. 154.

<sup>31</sup> См.: Антонович М.А. Два типа современных философов // Современник. 1861. Т. LXXXVI. Отд. 2. С. 416.

<sup>32</sup> Там же. С. 404.

<sup>33</sup> См.: Лавров П.Л. Предисловие редактора // Милль Дж.С. Система логики. С пятого, дополненного лондонского издания переведено, под редакцией и с примечаниями П.Л. Лаврова, Ф. Резнером. Т. 1. СПб.: Издание книгопродавца и типографа М.О. Вольфа, 1865. С. II.

<sup>34</sup> См.: Лавров П.Л. Задачи позитивизма и их решение: теоретики сороковых годов в науке и верованиях. СПб.: Ред. «Рус. Богатство», 1906. С. 63.

ловека исходною точкою всегда будет и должен быть сам человек», так как он знает себя непосредственно, а все прочее – посредственно, через свое сознание, – но и тем, что «человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое, он есть главная сущность и главное явление и главный орган мира <...> когда и где было найдено в природе существо или явление более загадочное, более высокое, более таинственное, более сложное, чем человек? <...> Солнце со своими огненными дождями и извержениями, – которые когда-то воспевал Ломоносов, – не есть ли простейшая вещь в сравнении с тем, что совершается в человеке? Действительно, мир вовсе не так великолепен и дивен, чтобы человек не мог считаться его центром. Все открытия, все исследования только упрощают наше понятие о мире, снимают с него фантастические краски, а никак не увеличивают того разнообразия и той загадочности, которую мы так охотно желали бы перенести с себя на внешние предметы. Человек – вот величайшая загадка, узел мироздания»<sup>35</sup>.

Рядом с антропологизмом этих корифеев антропологической мысли 50–60-х гг., сложившимся под влиянием Фейербаха, та же особенность во взглядах других мыслителей этого времени кажется много бледнее и тусклее. Но от этого она не перестает быть характерной чертой их мировоззрения. Философско-легкомысленный Писарев и мудро-осторожный Потебня одинаково платят ей дань, и даже приблизительно одинаковым образом. Оба считают экономию нашей мысли критерием ее истинности и таким путем делают нас судьями и решителями всякой реальности. Писарев прямо говорит, что «экономия умственных сил есть ни что иное, как строгий и последовательный реализм»<sup>36</sup>, а Потебня доказывает, что степень сбережения, «сгущения» мысли измеряет ее реальную ценность. По-видимому, это сходство антропологизма Писарева и Потебни, по форме, объясняется влиянием на них Штейнталя. Еще в свои студенческие годы Писарев перевел на русский язык одно его сочинение, а Потебня часто ссылается на него в своей книге «Мысль и язык»; Штейнталь же был одним из основателей учения о том, что достоинство мысли определяется ее экономизирующим значением. Но, повторяем, так объясняется идейная близость Писарева и Потебни лишь со стороны ее формы. А ее «антропологическое» существо может быть возведено к тому преобладанию «человеческого», которое является характерной чертой русской жизни вообще и 50–60-х годов, в особенности.

Особую форму философского антропологизма представляют взгляды славянофилов, Киреевского и Хомякова, и близких к ним в этом отношении

<sup>35</sup> См.: Страхов Н.И. Мир, как целое. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872. С. VIII. С. XII. (Ссылки исправлены. – *Прим. ред.*)

<sup>36</sup> См.: Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. в 6 т. Т. 4. СПб.: Тип. Авсеенко, 1894. С. 5. (Ссылка исправлена. – *Прим. ред.*)

Юркевича и Новицкого. Они исходят из мысли, что философия должна удовлетворять всем потребностям цельного человека, а между тем обычно обслуживает только потребности его рассудка (или разума). Поэтому, необходимо, как говорит Киреевский, чтобы разум «не признавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разумения истины; чтобы голос восторженного чувства, не соглашенный с другими силами духа, он не почитал безошибочным указанием правды; чтобы внушения отдельного эстетического смысла, независимо от других понятий, он не считал верным путеводителем для разумения высшего мироустройства; даже, – чтобы господствующую любовь своего сердца, отдельно от других требований духа, он не почитал за непогрешительную руководительницу к постижению высшего блага; но чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума»<sup>37</sup>. Этот «ум» – судия и свидетель всякой истины, и только ему открывается реальная действительность. Если что-либо стоит с ним в противоречии, оно должно быть отвергнуто. И, напротив, все, находящееся с ним в гармонии, должно быть признано ценным и реальным.

На этом основании Киреевский, Хомяков и Новицкий защищают реальность содержания православной веры, а Юркевич доказывает существование, в основе мира, – идеи. «Без признания идеи, говорит он, мы получили бы такой образ мира, к которому нелегко приучить живое и деятельное сознание человека»<sup>38</sup>. Юркевич считает очевидным, что раз такое «приучение» «не легко», его не следует и предпринимать, и таким образом его «живое и деятельное сознание человека» играет в его философии такую же роль, как «Живое и цельное зрение ума». Киреевского, «знание живое в высшей степени» Хомякова<sup>39</sup> или «гармоническое единство убеждений религиозных и созерцаний философских» Новицкого<sup>40</sup>, – роль «антропологического принципа», только в религиозно-мистической окраске, внушенной как личной религиозностью этих мыслителей, так и сильнейшим влиянием Гегеля и Шеллинга последнего периода.

---

<sup>37</sup> См.: Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. в 2 т. Т. 1. М.: Тип. Императорского Московского университета, 1911. С. 249. (Ссылка исправлена. – Прим. ред.)

<sup>38</sup> См.: Юркевич П.Д. Идея // Журнал министерства народного просвещения. 1859. Ч. CIV. Отд. II. С. 16. Отд. Отгиск. С. 16. (Указание страницы восстановлено. – Прим. ред.)

<sup>39</sup> См.: Хомяков А.С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. в 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. С. 279.

<sup>40</sup> См.: Новицкий О.М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. I. Религия и философия древнего Востока. Киев: Университетская Типография, 1860. С. 25–26. (Цит. неточная. Точная цитата: «убеждения религиозные и созерцания философские сольются в гармоническое единство». – Прим. ред.)